

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕИ РАЗДВОЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Исследуется идея раздвоенности человеческого существования в философии на материале произведений Ф.М. Достоевского, Р. Декарта, И. Канта, Ж. Деррида, М. Фуко. Автор использует метод, основанный на совпадении логического и исторического. Проанализировав пластичность границы между сном и бодрствованием, умом и безумием, я и не-я, автор приходит к выводу о том, что феномен двойственности в европейской философии связывается с разделением на душу и тело, в русской – с самостью человека.

Ключевые слова: человек; раздвоенность; двойник; сон; реальность; безумие; интеллект; образ; созерцание.

Несовпадение человека с самим собой позволяет ему быть, по словам Платона в диалоге «Федр», выше себя или ниже себя. Это несовпадение фиксируется в философии в виде идеи раздвоенности человеческого существования. Внимание к этой идее сегодня обусловлено несколькими событиями. Прежде всего, обеспокоенностью философии фактом присутствия в мире человека того, что принято называть искусственным интеллектом, или алгоритмом, что, в свою очередь, заставляет искать ответ на вопросы: что такое искусственный интеллект, чем он отличается от естественного интеллекта и как соотносится интеллект с сознанием? Ответ на эти вопросы зависит от того, как мы понимаем человека. Если мы отождествляем человека с чистым интеллектом, то его трудно будет отличить от алгоритма. Интеллект – это логическая тотальность. Человеческое учреждается в раздвоенности существования и мысли. В статье анализируется отношение к этой идее Ф.М. Достоевского, Р. Декарта, И. Канта, а также спор между Ж. Деррида и М. Фуко о границе между сном и бодрствованием и статусе безумия в мышлении. В результате автор приходит к выводу о кризисе понятийного мышления.

Достоевский о раздвоенности человека. О Достоевском писали многие философы, но только Н.О. Лосский обратил внимание на его сочинение под названием «Двойник». Первая повесть Достоевского «Бедные люди» имела ошеломительный успех. Белинский неистовствовал. Публика восторгалась. Все ждали, что напишет Достоевский после этой повести. Достоевский написал «Двойника». Он не стал сочинять то, что от него ждали, и сделал то, что хотел сделать. Рассказал про Голядкина, про то, как он беден и как сложно устроен мир. В нем хочешь быть простым и искренним, а он заставляет тебя не уважать себя. Повесть «Двойник» – о человеке, живущем внутри спектакля под названием «общество». В обществе нужно всякий раз заново решать одну и ту же проблему: поклониться или не поклониться тому, кто выше тебя в социальной иерархии. Или прикинуться, что тебя нет, ты не существуешь. Что ты – это не ты. Голядкину нечего скрывать. Он действует открыто, не втихомолку. Голядкин живет так, что он не знает, проснулся ли он или все еще спит, наяву и в действительности ли все, что около него теперь совершается, или продолжение его беспорядочных сонных грез. Голядкин хочет быть в порядке перед самим собой. На это указывает даже цветовое решение его комнаты.

У него комод из красного дерева, красная мебель и зеленовато-грязного цвета обои. Цвет уже сам по себе проникает в самую глубину человеческого сознания и требует от Голядкина доопределения своего места в мире. Голядкин видел себя одним, а окружающие люди видели его другим. Голядкин не любил двуличностей, но у него образовалось два лица. Он хотел убежать от себя. Но однажды осенней ночью на Фонтанке он окончательно раздвоился. Его фантазм объективировался. Голядкин пришел домой, а дома на его кровати уже сидел незнакомец. Этим незнакомцем был он сам. Голядкин пошел на службу, а там опять сидит он другой.

Белинский прочитал «Двойника» и сник. Публика прочитала и ничего не поняла в этом сочинении. Все отвернулись от писателя. Выступить в защиту бедных – это актуально. Рассказывать о приключениях титулярного советника, которому хотелось повышения по службе, – совсем другое дело. Достоевский рассказал о своем открытии. Его не услышали. «Порядочных людей по двое никогда не бывает», – сказал слуга Петрушка и ушел от Голядкина. Голядкин пишет письмо своему двойнику: «Либо вы, либо я, а вместе нам невозможно» [1].

Позднее Достоевский напишет «Записки из подполья». Это сочинение не понял Бахтин. Между тем в нем развивались идеи «Двойника». Что это за идеи? Вот отрывок из письма Достоевского в последний год своей жизни художнице Е.Ф. Юнге, которое цитирует Лосский: «Что вы пишете о вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у вас. Вот и поэтому вы мне родная, потому что это раздвоение в вас точь-в-точь как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это – сильное сознание, потребность самоотчета и присутствия в природе вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность. Были бы вы не столь развиты умом, были бы ограниченнее, то были бы и менее совестливы и не было бы этой двойственности» [2. С. 69–70].

Обращает на себя внимание то, что в письме Достоевского речь не идет о раздвоении человека на душу и тело. Призрак этого разделения сопровождал всю историю европейской философии. Образ тела как

темницы души не самое лучшее изобретение греческой мысли. Но именно на нем основываются представления о безумии в европейском сознании.

Раздвоенность у Достоевского проходит через самость человека, через его «я». Раздваиваться – значит идти к себе или убегать от себя. Быть собой одновременно и мука, и наслаждение. Встреча с собой не предзадана человеку. С собой можно и не встретиться. Встреча с собой обременяет необходимостью быть одному в двух лицах. Делать и страдать от того, что делаешь. Не делать и мучиться от безделья. В феномене двойника находится разгадка русского безумия, символом которого является юродивый: быть выше себя и одновременно быть ниже себя.

Потребность в самоотчете – это не пустая рефлексия. Рефлексия – это язык. Непрерывный самоотчет указывает на присутствие сознания. Отчет перед кем? Перед самим собой. Отчет – это ответственность. В чем? В том, чтобы не упустить себя далеко от себя. Вначале Достоевский говорит, что двойственность – обыкновенная черта у необыкновенных людей. Затем он поправляет себя: двойственность – это свойство человеческой природы вообще, которое не у всех людей проявляется одинаково. Вот это-то свойство и надо исследовать. Разум же вторичен и не обязателен для человека. Обязательно присутствие себя по отношению к себе. Никто не имеет права говорить, что он что-то не помнит о себе. Все помнят и все все знают. Другое дело – есть вещи, о которых мы ничего не хотим помнить и ничего не хотим знать.

Кто раздвоен, у того есть долг перед самим собой. А значит есть долг и перед человечеством. Чувство принадлежности к человечеству вообще есть неоспоримый признак того, что мы пребываем в сознании, а оно пребывает в нас. Нельзя быть в сознании и одновременно быть без совести. Совесть – это ясно выраженный признак твоего присутствия в сознании и одновременно присутствия сознания в мире. А раздвоенность человеческого существования возводится Достоевским в ранг фундаментального антропологического принципа.

Декарт о раздвоенном существовании человека. Аристотель не обратил внимания на двойственность человеческого существования. Науки о душе он отнес к биологии. За Аристотелем последовал Гегель, который антропологию заставил заниматься природной душой, а все, что касается «я», отнес к феноменологии. На необратимость раздвоенного существования человека обратил внимание Декарт в «Размышлениях о первой философии». «Я нахожусь здесь, в этом месте, сижу перед камином, закутанный в теплый халат, – начинает свое рассуждение Декарт, – разглаживаю руками эту рукопись и т.д. Да и каким образом можно было бы отрицать, что руки эти и все это тело – мои? Разве только я мог бы сравнить себя с Бог ведает какими безумцами, чей мозг настолько помрачен тяжелыми парами черной желчи, что упорно твердит им, будто они – короли, тогда как они нищие, или будто они облачены в пурпур, когда они попросту голы, наконец, что голова у них глиняная либо они вообще не что иное, тыквы или стеклянные шары; но ведь это помешанные, и я сам показался бы не меньшим безумцем, если бы перенял хоть какую-то повадку» [3. С. 17].

Безумец принимает на веру то, что говорит в нем его мозг. Но ведь все мы, замечает Декарт, безумцы, все мы спим по ночам и переживаем во сне то, что безумец переживает наяву. Я, говорит Декарт, сплю голым, а вижу во сне, что я сижу в халате перед камином. «Сон, – замечает Декарт, – никогда не может быть отличен от бодрствования...» [3. С. 17]. А это значит, что все упования на какую-то реальность не имеют смысла. Реальность производна от чувства реальности. А чувство реальности возможно только у того, кто галлюцинирует. И никакая эволюция ничего не может теперь с этим поделать. Ее ответ может быть простым: кто галлюцинирует, тот не живет. «Сонное видение» – это как бы нарисованная нами реальность. Человеку не дано узнать, как выглядит реальность сама по себе.

Но уже в шестом рассуждении Декарт пишет о различии между сном и бодрствованием: «Надо отвергнуть сомнение, касающееся сна, который я не мог отличить от бодрствования; ныне я понимаю, что между тем и другим состоянием есть огромная разница...» [Там же. С. 71]. Декарт хорошо понимает, что два плюс три равно пяти. Эта истина срабатывает как во сне, так и наяву. То есть на языке математики нельзя различить сон и явь. И на языке философии их нельзя различить. Мысль эта, говорит Декарт, «повергает меня в оцепенение» [Там же. С. 17]. Что делать? Если мы не различаем сон и явь, то мы являемся вечно заблуждающимися существами, мы вечно спим. Бог нас создал сонными. Кто разбудит человека? Только тот, кто сумеет различить сон и явь. Различить сон и явь – значит войти в сознание. Реальность – это следствие вхождения человека в сознание. А сознание – это учреждение границы между сном и явью.

С чего начинается Декарт свои «Размышления»? С идеи неразличения сна и яви. Чем он их заканчивает? Попыткой их различения. Но это различение, правда, не выдерживает критики.

Во-первых, Декарт полагает, что память никогда не сопрягает сонные видения с остальной нашей жизнью. Но это суждение противоречит практике предсказаний, которые основываются на связи реальной жизни со сновидениями. Во-вторых, Декарт ссылается на то, что во сне что-то неожиданно возникает и также внезапно исчезает. Поэтому человек не может рассуждать во сне, опираясь на: откуда оно, куда, что это. Все, что возникает неожиданно, Декарт называет привидениями, призраками, а не реальностью. Но это суждение Декарта опровергает существование так называемых устойчивых сновидений.

В «Размышлениях о первой философии» Декарт задает вопрос: что есть человек? И отвечает на этот вопрос так: «Скажу ли это я, что это – живое разумное существо? Нет, ибо тотчас же вслед за этим возникнет вопрос: что это такое – живое существо и что такое разумное? – и так я от одного вопроса соскользну ко множеству еще более трудных; между тем я не располагаю досугом, чтобы растрчивать его на подобные тонкости» [3. С. 22].

Нельзя понять, что такое сознание, не ответив на вопрос «что есть человек?». Но для ответа на этот вопрос у Декарта нет времени. Вопрос о человеке так

и остался без ответа в европейской философии. Во втором рассуждении Декарт исходил из того, что в бодрствовании нет ничего такого, что бы мы не ощущали во сне. А поскольку во сне ощущения исходят не от внешних вещей, постольку идея существования внешних вещей и самого состояния бодрствования становилась сомнительной. Что нам дает идея тождества сна и яви? Она либо все делает сном, либо все делает явью. Если все сон, то тогда вступают в работу законы эволюции, которые исключают существование сонных органических существ. Если же все явь, то тогда невозможно существование человека. И в том и в другом случае человек оказывается банкротом. Каков же выход? Европейская философия нашла выход в дисквалификации субъекта и идее «смерти человека».

Деррида и Фуко: спор о сне, безумии и злокозненном гении. Фуко написал книгу под названием «История безумия» [4]. Деррида написал на нее рецензию под названием «Cogito и история безумия» [5]. Фуко ответил на рецензию размышлениями под названием «Мое тело, эта бумага, этот огонь» [6]. Приведенное название – цитата из «Размышлений о первой философии» Декарта.

Фуко считает, что Декарт в «Размышлениях о первой философии» удаляет безумие из круга философии. Деррида полагает, что безумие проникает в структуру самой мысли. Если я мыслю, говорит Фуко, то я не безумен. Когито не может быть безумным. Фуко решил написать историю самого безумия, а не историю того, что о нем говорил разум. А поскольку язык безумия – это молчание, постольку Фуко задумал создать археологию молчания.

Но это, говорит Деррида, и есть безумие. Никто не может дать безумию возможное высказаться. Безумие – это то, что не высказывается. Фуко хочет устроить революцию разума внутри самого разума. Безумие – это не ошибка тела. Каждый, кто мыслит, призывает безумие в свою мысль. Тем самым философ в своем языке удерживает безумие на расстоянии, чтобы спасти себя от фактического безумия.

Я мыслю, говорит Деррида, даже если я безумен, даже если бессмыслица захватила весь мир целиком, в том числе и мою мысль. Я существую, пока я мыслю. Когито не гарант мысли. Оно распадается на ум и безумие. Субъект получает дисквалификацию перед лицом злокозненного гения. Исключая безумие, философия предаёт саму себя как мысль.

Фуко отклоняет решение Деррида о дисквалификации субъекта, полагая что идея злокозненного гения придумана субъектом. «Эпизод появления злого гения, – пишет Фуко, – является сознательным упражнением, контролируемым, подчиненным и осуществленным от начала до конца размышляющим субъектом, который никогда не позволяет себя заставить врасплох» [Там же. С. 174].

Полемика между Фуко и Деррида происходит в поле, открытым европейской философией, в котором не различается человеческая мысль и мысль вообще, которая, в свою очередь, мыслится вне связи с тем, что мыслит человек. Фуко говорит: я мыслю, размышляю, я существую, и неважно, бодрствую я или сплю. Деррида говорит: безумен я или не безумен, я

мыслю, я существую. И неважно, равно два плюс три пяти или не равно. Согласно Фуко, если мы ставим под вопрос субъект, то нам надо заниматься человеком. А это катастрофа для европейской философии, ее впадение в антропологический сон. Согласно Деррида, если мы не согласимся с тем, что безумие входит в структуру мысли, нам нужно будет смириться с присутствием в мире человека-алгоритма.

Кант о фигурном синтезе и двойственности человека. В 24-м параграфе «Критики чистого разума» Канта обсуждается вопрос о применении категорий к предметам чувств. Исследуя происхождение образов, мы неизбежно приходим к выводу о том, что есть два источника образов: внешние предметы и внутренние. Внешние воспринимаются в пространстве. Внутренние – во времени. Кант пишет: «Чувственное созерцание есть или чистое созерцание (пространство и время), или эмпирическое созерцание того, что через ощущение представляется в пространстве и времени непосредственно как действительное» [7. С. 138].

Что же значит быть действительным во времени? Это значит не быть вещью и одновременно быть в следующий момент времени посредством надежды или веры. Предметы чувств значимы для чувств. Но не для рассудка. Вообще-то, рассудок не может воздействовать на чувство, не может определять его. Для этого ему нужно стать чувством. А это невозможно. Чтобы обмануть чувство, рассудку нужно «переодеться», показать себя воображением. А воздействует на нас хитрый рассудок «под названием трансцендентального синтеза воображения» или фигурного синтеза [Там же. С. 142]. Почему воображения? Потому что мы можем представить предмет и в его отсутствие. То есть воображение – такая спонтанность, которая как чувственность дает предмет. И одновременно она как рассудок определяет предмет. Тогда как чувство всегда пассивно. Безликий рассудок действует для нечеловеческих форм созерцания, он относится к предметам созерцания вообще. И у животных тоже. Правда, эти предметы для них не являются, а существуют. А вот у человека все меняется. Предметы нашего созерцания не существуют, а являются. И нам нужен фигурный синтез сознания, а не вообще интеллектуальный синтез чувственности.

Однако здесь возникает парадокс. Не может быть так, чтобы наша душа чувствовала, а предметы чувств были не такими, какими она их чувствует. А это значит, что они не явления, а вещи в себе, которые нам даны. Но Кант уже объявил, что внутреннее чувство представляет нас самим себе только так, как мы себе являемся, а не так, как мы на самом деле существуем. Разрешить этот парадокс Кант попытался при помощи следующего утверждения: мы созерцаем себя так, «как мы внутренне подвергаемся воздействию» [Там же]. Что же на нас воздействует? И почему мы не теряем свою активность? Внутреннее чувство – это множество образов. Однако в этом множестве нет связи между образами. Оно не сознание, чтобы быть способным связать. Эту связь внутреннему чувству помогает создать фигурный синтез, воображение. И Кант приводит примеры. Мыслить линию – значит провести линию. Линии не было, но она появилась.

Мыслить окружность – значит описать ее, сделать. Мыслить время – значит провести прямую, прибавляя к точке точку. Но Кант ограничивается геометрией. А ему нужно было ответить на вопрос: что значит мыслить себя? Более того, что значит внутренне воздействовать на себя? Какую для этого нужно провести линию? Какое создать действие? «Этот вопрос, – пишет Кант, – столь же труден, как вопрос, каким образом я вообще могу быть для себя самого объектом, а именно объектом созерцания и внутренних восприятий» [7. С. 144]. Кант не ответил на вопрос о том, каким образом «я», которое мыслит, отличается от «я», которое само себя созерцает, полагая, что они совпадают, будучи одним субъектом. Но это совпадение и является той проблемой, которая заставит отказаться от понятия субъекта.

Кризис понятийного мышления. Понятийное мышление возможно о вещах, об объектах. Человек – это отношение к самому себе. В основе этого отношения лежит самость. Но самость не существует как «что». Она нам дана прямо и непосредственно. Например, наше «я» не из реальности. Оно из мира данного и существует как обозначение того, чего нет. Но вообразить его нельзя. Потому что вообразить «я» – значит дать начало существованию своего двойника. Понятийно выразить отношение к самому себе также невозможно из-за субъективности этого отношения.

При повороте наук к исследованию человека обнаруживается кризис понятийного мышления. Суть его состоит в том, что наука теряет то, за что она крепко держалась. При повороте к субъективности исчезает понятие реальности. Поскольку человек живет в мире кажущихся вещей, постольку ни одной

вещи нельзя придать статус вещи, не наделяя ее кажимостью. Нереальное может быть действительным, а реальное – недействительным. Действительное учреждается, а реальное как вещь наблюдается.

Еще недавно мы думали, следуя за Спинозой, что понять – значит построить предмет. Но время Спинозы, который научил нас строить понятие круга, прошло. Не знание – критерий существования сознания, а вера. Ибо в мире есть такие вещи, которые существуют, если мы относимся к ним как к чему-то действительно существующему. И построить предмет знания о них невозможно. За вещами мы наблюдаем, кажимости нас раздваивают. Вещи мы ощущаем, кажимости нам даны. Чтобы составить понятие человека, нам уже не надо обращаться к циркулю с двумя ножками. Понять – это больше не значит построить предмет. Можно построить паровоз, но нельзя построить красоту. Потому что красота неотделима от чувства красоты. А чувство является очень зыбким, стирающим границу между вещью и видимостью. Гений советской психологии Выготский хотел построить человека, как строят любой предмет. Но его психологический спинозизм оказался чудовищной ошибкой. Действительное оказалось нереальным.

Понять человека – это не значит, выразить его в понятии как вещь. Понять – значит принять участие, перестать быть наблюдателем, ибо за наблюдателем всегда наблюдает другой наблюдатель. Не Другой несет в себе истину человека. Другой – это всего лишь навязанное социумом тождество с самим собой. Быть человеком – значит убить в себе Другого, открыть себя несовпадению с собой как источнику творческого энтузиазма. Понять человека – значит дать ему возможность быть самим собой, т.е. раздвоиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Двойник // Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука. Ленинград. отд-е, 1988. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0140.shtml
2. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Бог и мировое зло. М. : Республика, 1994. С. 83–248.
3. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1994. Т. 2. С. 3–72.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ, 2010. 698 с.
5. Деррида Ж. Cogito и история безумия // Письмо и различие. СПб. : Академический проект, 2000. С. 43–82.
6. Фуко М. Мое тело, эта бумага, этот огонь // Голобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида. М. : ИФ РАН, 2011. С. 148–176.
7. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2007. 736 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 11 июля 2019 г.

A Philosophical Analysis of the Idea of the Duality of Human Existence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 449, 71–75.

DOI: 10.17223/15617793/449/9

Fedor I. Girenok, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: girenok@list.ru

Keywords: human; duality; double; dream; reality; madness; intelligence; image; contemplation.

The article investigates the idea of the duality of human existence in philosophy. The relevance of the study is due to the emergence in the modern world of the phenomenon of artificial intelligence and the emergence, in this regard, of the problem of distinguishing between a human and an algorithm. The question arises: what indicates the phenomenon of a human? According to the author, if intelligence is a logical totality, then a human is spontaneity. The author investigates the specified idea of the duality of human existence on the material of the philosophies of F.M. Dostoevsky, R. Descartes, I. Kant, J. Derrida, M. Foucault, using a method based on the coincidence of the logical and the historical, as well as a comparative method. The author analyses Dostoevsky's *The Double* and concludes that duality for Dostoevsky occurs through the self of man, through their "I". To double is to go to oneself or to run away from oneself. The phenomenon of the double contains the key to Russian madness, the symbol of which is a holy fool: to be above and at the same time below oneself. Analysing Descartes's philosophy, the author comes to the conclusion that Descartes understands dualism of soul and body, sleep and wakefulness as duality. Turning to the dispute between Derrida and Foucault about

the status of madness in philosophy, the author points out that these thinkers associate the phenomenon of duality with the difference between mind and madness. According to Foucault, if we question the integrity of the subject, recognise its duality, then philosophy should be concerned with a human. And this is a disaster for European philosophy, its falling, according to Foucault, into an anthropological sleep. According to Derrida, if we do not accept the duality of the subject, that madness is part of the structure of thought, then philosophy will have to accept the presence of a human algorithm in the world. Analysing Kant's philosophy, the author draws attention to the difference between faceless reason and imagination. If faceless reason also refers to non-human forms of contemplation, then imagination is an exclusively human phenomenon. Kant speaks of the duality of the subject into the self that thinks and the self that contemplates itself. In conclusion, the author notes that, in Russian and European philosophy, the phenomenon of duality of human existence is understood differently. In the first case, we are talking about the self of man, in the second about the division into soul and body. When the sciences turn to the study of a human and their duality, a crisis of conceptual thinking is revealed. Conceptual thinking is possible about things, about objects. A human is not an object, but an attitude towards oneself.

REFERENCES

1. Dostoevskiy, F.M. (1988) *Dvoynik* [The Double]. In: Ornatchkaya, T.I. & Fridlender, G.M. (eds) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: In 15 Vols]. Vol. 1. Leningrad. Nauka. [Online] Available from: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0140.shtml.
2. Losskiy, N.O. (1994) *Bog i mirovoe zlo* [God and World Evil]. Moscow: Respublika. pp. 83–248.
3. Descartes, R. (1994) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 3–72.
4. Foucault, M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Translated from French. Moscow: AST.
5. Derrida, J. (2000) *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference]. Translated from French. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 43–82.
6. Foucault, M. (2011) *Moe telo, eta bumaga, etot ogon'* [My Body, This Paper, This Fire]. Translated from French. In: Goloborod'ko, D.B. *Kontseptsii razuma v sovremennoy frantsuzskoy filosofii. M. Fuko i Zh. Derrida* [Concepts of the Mind in Modern French Philosophy. M. Foucault and J. Derrida]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS. pp. 148–176.
7. Kant, I. (2007) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Eksmo.

Received: 11 July 2019